

Партийная система и гражданское общество

ДМИТРИЙ ГУДКОВ

Одним из стандартов современного государства, по словам президента РФ Д.А.Медведева, является «убежденность граждан в том, что они живут в демократическом государстве»¹. При этом граждане должны не просто ощущать свое демократическое состояние, но и активно участвовать в реализации своих демократических прав и свобод (в рамках закона). Одновременно население демократических стран не должно проявлять ложного консерватизма и обязано стремиться к оптимизации государственного устройства.

Этот тезис Президента России созвучен со словам философа и социолога К.Поппера: «Проблема улучшения демократических институтов – это всегда проблема, стоящая перед личностями, а не перед институтами. Демократические институты не могут улучшаться сами по себе, их улучшение зависит от нас самих»².

Существуют две теоретические модели, представляющие демократию как различные варианты партийного соревнования³.

Первая трактует демократию как межпартийное соревнование и опирается на шумпетерианскую концепцию. Согласно этой модели, основная роль партий в демократии – формирование

группы лидеров для осуществления управления страной. Участие граждан сводится к выборам, на которых избиратели выбирают команду лидеров или просто способствуют отстранению правителей от власти.

Вторая рассматривает демократию как внутрипартийное участие и предполагает, что партии не просто соревную-

ГУДКОВ Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры «Политология» Финансового Университета при Правительстве РФ. E-mail: badkoff@mail.ru

Ключевые слова: выборы, политические партии, гражданское общество, однопартийная система, бипартизм, партийный плюрализм, переходные общества.

щиеся группы лидеров, но и демократические организации, расширяющие возможности граждан в плане политического участия. Члены партии и ее сторонники могут определять содержание предвыборных программ.

Представительная демократия предполагает сочетание логики обеих моделей при преобладании последней.

Гражданское общество имеет несколько измерений.

Во-первых, оно выступает как совокупность негосударственных общественных отношений и институтов, которые разрушают монополию государства на власть и уравнивают государственную власть с властью негосударственных организаций и институтов. Таким образом, гражданское общество гарантирует защиту от государственного произвола и диктатуры.

Во-вторых, гражданское общество – это сфера реализации многообразия интересов отдельных индивидов и социальных групп. Отдельные личности и группы лиц через институты гражданского общества (партии, ассоциации и многие другие) имеют возможность выражать свои интересы помимо государственных институтов.

Взаимоотношения органов государственной власти с институтами гражданского общества имеют двухсторонний характер. С одной стороны, отношения в гражданском обществе подвергаются регуляции со стороны государства, а с другой – гражданское общество само воздействует на государство через свои политические институты (политические партии и общественно-политические организации).

Государство не может и не в состоянии напрямую учредить, декретировать, установить желательный для него образ гражданского общества. В этом смысле гражданское общество – объективно складывающийся порядок реальных общественных отношений, кото-

рый основан на признанных самим обществом требованиях справедливости и меры достигнутой свободы. Однако данный порядок формируется в пределах тех границ свободы, которые устанавливает государство в своих правовых нормах и прежде всего в конституционных институтах, закрепляющих основы политического, экономического и социального строя, прав человека и гражданина, деятельности государственных структур.

Взаимодействие социальных общностей между собой, а также с политической властью осуществляется в системе политического представительства, через которую граждане вовлекаются в процесс принятия политических решений⁴.

Проблемы дальнейшего развития гражданского общества связаны с решением целого ряда задач. Важнейшей из них является задача более полного наполнения демократическим содержанием сложившейся политической системы, в немалой степени связанного с повышением роли политических партий в жизни общества и государства, развитием политического и социального многообразия.

В этом контексте весьма показательной является зависимость развития гражданской инициативы и гражданского общества от той или иной партийной системы.

Политические партии являются институтами, представляющими в политической системе общества те или иные интересы групп и социальных слоев. Основной функцией партий является защита интересов гражданского общества.

В идеале классическая политическая партия стремится к завоеванию или же участию во власти именно для реализации интересов соответствующих слоев общества, то есть власть для них является не самоцелью. Таким образом,

именно целеполагание делает политические партии структурами гражданского общества.

Применительно к однопартийной системе (и ее разновидностям) говорить о гражданском обществе не приходится. В условиях тоталитарного или жесткого авторитарного господства политическая система выстраивается четко по иерархическому принципу, в ней может существовать лишь один центр политического влияния, а граждане выполняют роль исполнителей решений вышестоящего руководства. Соответственно, гражданское общество либо в принципе отсутствует, либо имитируется, либо переходит на латентный уровень (вроде создания подпольного или полуподпольного диссидентского гражданского общества). Соответственно, однопартийная система также имитирует существование гражданской инициативы, а представители направляющей и руководящей силы серьезно ограничены в своей самостоятельности и зачастую осуществляют партийную работу не на добровольной, а на принудительной или корыстной основе.

Если брать отечественную практику советского периода, то мы видим, что в различные периоды истории СССР гражданская политическая инициатива не столько развивалась через партийную активность, сколько контролировалась и ограничивалась ею, поскольку власть не была заинтересована в несанкционированной активности граждан, способной подорвать монолизм тоталитарного режима. Поэтому даже гражданский энтузиазм строительства социализма 30-х – 40-х годов регламентировался, а все отклонения от нормы считались либо перегибами, либо целенаправленной подрывной деятельностью, направленной на дискредитацию партии и правительства.

Если брать так называемый период застоя, то в это время гражданская инициатива зачастую вообще стала формализоваться: для власти уже была необходима не столько реализация проектов, сколько имитация деятельности по их исполнению.

Такая же формализация касалась и партийной деятельности граждан. Помимо того что КПСС окончательно стала «корпоративной» структурой, ориентированной прежде всего на обслуживание интересов правящей элиты, она еще и во многом «дискредитировала» себя, гася инициативу и идеологическую искренность своих представителей.

Кризис коммунистической идеологии в совокупности с абсолютизацией номенклатурного принципа формирования и деятельности власти привел к тому, что членство в КПСС для большинства коммунистов того времени стало банальной возможностью сделать карьеру, повысить свой социальный статус, обеспечить приличный уровень материального благосостояния. Однако в таких условиях абсолютно терялась коммуникация и взаимопонимание между обществом и правящей партией, а значит, между обществом и властью в целом.

В условиях двухпартийной (двух с половиной партийной) модели право граждан на проявление политической инициативы ограничивается лишь их прагматическими устремлениями.

С учетом того что данные партсистемы существуют в основном в государствах англосаксонских, где симпатии граждан достаточно четко оформлены и имеют долгосрочный характер, дифференциация политической жизни не столь высока, а непосредственная (прямая) активность граждан преимущественно исчерпывается муниципальным уровнем.

Поэтому доминирующая роль основных партий воспринимается здесь насе-

лением не как ограничение его прав и свобод (тем более что при желании гражданам всегда могут воспользоваться «услугами» альтернативных политических партий и организаций, которые обладают теми же юридическими возможностями, что и «базовые»), а как результат национального политического консенсуса. То есть в таких системах весьма высоким является доверие граждан к своим партийным представителям (к так называемой партийной элите, которая нередко являет собой часть правящего истеблишмента), а политическая инициатива населения – в определенной степени «спящей», поскольку граждан вполне устраивает эффективность и интенсивность защиты их интересов ведущими партийными структурами.

В то же время нужно отметить тот факт, что в условиях постепенной «элитаризации» и даже где-то «олигархизации» политического процесса в англосаксонских странах (особенно в США) возрастает опасность реализации проекта «манипулятивной демократии», предполагающей отстранение общества от определения приоритетов государственной политики и процесса принятия стратегических политических решений. При этом такое выхолащивание роли гражданского общества может осуществляться подспудно и косвенно; в частности, при помощи информационного и финансового ресурса власть может навязывать населению свое видение актуальной повестки дня, гасить невыгодную для себя активность снизу, формировать гражданскую позицию, вплоть до закрепления в общественном мнении тех или иных электоральных установок.

В этой связи нельзя не согласиться с современным исследователем И.И. Жуковским, который полагает, что «порой партии позволяют с помощью формально современных форм закреплять существующие несовременные и недемократические практики, способствуют не развитию конкуренции групповых интересов и политиче-

ских альтернатив, а закреплению господствующего положения одной из групп»⁵.

При мультипартизме абсолютное большинство мест у одной партии является исключением, необходимы коалиции, поддерживающие разнородные и нестабильные правительства.

В этой ситуации и власть, и ведущие политические партии в большей степени, чем при бипартизме, являются зависимыми от мнения и даже «капризов» граждан. То есть и те и другие вынуждены действовать с оглядкой на мнение потенциальных избирателей и стремиться завоевать их доверие. Такая модель чаще всего характеризуется повышенной активностью гражданского общества, его консолидированностью в отстаивании своих интересов, исключительной интенсивностью политической жизни.

Одновременно партийный плюрализм стимулирует сегментированность гражданского общества и идеологическое многообразие. Подобное взаимодействие гражданского общества и партийной системы в большой степени соответствует приоритетам и политической культуре стран континентальной Европы, которые изначально выстраивались на консенсусной основе (например Италия).

Тем не менее далеко не всегда система партийного плюрализма, стимулирующая развитие гражданской инициативы и гражданского участия, является оптимальной с точки зрения политического и социально-экономического развития страны, стабильности демократических практик и институтов. «Зашкаливающая» активность гражданского общества зачастую лишает государственное руководство инициативы. При решении тех или иных важных вопросов власть вынуждена проходить длительную процедуру согласований и консультаций с вовлеченными группами и соци-

альными слоями, а основные политические партии вынуждены «нагнетать страсти», чтобы продемонстрировать своему электорату активность и заботу о его нуждах. Более того, нередко энергичное гражданское общество не столько усиливает, сколько ослабляет процесс демократизации. Из дискуссий на эту тему, как правило, ускользает потенциальная опасность конвергенции широкого, чрезвычайно мобилизованного гражданского общества и плохо институционализированной политической системы с перегруженным правительством, вынужденным заботиться не только о консолидации демократии, но и о решении других неотложных и политически «тонких» проблем, таких как децентрализация государства и либерализация экономики. В результате появляется гремучая смесь, которая может взорвать политическую ситуацию и привести к политической нестабильности, к социальному недовольству и, в самом худшем варианте, к демократическому сбою.

Опасность «широкой демократизации» подстерегает страны так называемого «демократического транзита». Причем подобные риски были отмечены представителями политической науки еще в 60-х годах.

Так, например, один из главных теоретиков «консервативной модернизации» Сэмюэл Хантингтон, выражал опасения по поводу того, смогут ли развивающиеся государства Азии, Африки и Латинской Америки безболезненно совладать с тем типом высоко организованного и мобилизованного населения, которое создается энергичными гражданскими обществами. Особенно это касается тех случаев, когда распространение политики обеспечения потребностей групп интересов опережает способность государства реагировать на социальные требования граждан.

Интересным является исследование причин падения Веймарской республики, осуществленное Шери Берманом из Принстонского университета, которое свидетельствует о том, что в межвоенный период увлечение Германией ассоциациями гражданского общества способствовало разрушению республики и облегчению прихода к власти Гитлера, поскольку многие из этих организаций стали социальной базой для подготовки нацистских кадров.

Берман приходит к заключению, что, «будь немецкое гражданское общество слабее, нацизм никогда не смог бы привлечь на свою сторону столь многих граждан или так быстро ослабить своих противников»⁶.

Применительно к современным странам третьего мира подобных примеров дестабилизации можно привести множество, причем именно к тем периодам, когда в них предпринимались попытки утвердить систему партийного плюрализма.

В частности, активизация и «расширение» гражданского общества стали серьезной проблемой для Бразилии. Хотя население этой страны сформировало целую сеть общественных институтов (профсоюзы, церковные общины и др.), но оно не создало жизнеспособную партийную систему. В результате сегодняшняя Бразилия имеет самую крупную и сильную сеть организаций гражданского общества в Латинской Америке и одну из слабейших в регионе, наиболее фрагментированную и наименее институционализированную партийную систему.

Таким образом, рост гражданского общества в Бразилии происходил за счет политической организованности и в итоге расплылся политический потенциал общества.

Российская практика мультипартийности в условиях демократического транзита также оказалась не слишком

удачной. В 90-е годы в стране господствовал формат партийного плюрализма, порожденный, с одной стороны, неустойчивостью власти и ожесточенной политической борьбой переходного периода, а с другой – упрощенной процедурой создания партийных структур в соответствии с Законом об общественных объединениях, принятым еще во времена перестройки.

Все это привело к фактической неуправляемости партийного поля, к «войне всех против всех», к резким взлетам и падениям тех или иных акторов.

Такой партийно-политический хаос едва не привел к гражданской войне в 1992–1993 гг., когда политическое противостояние между сторонниками курса Б.Н.Ельцина и оппозиционными партиями, объединившимися в широкую коалицию Фронт национального спасения, вылилось в вооруженные столкновения в Москве (сентябрь–октябрь 1993 г.).

Однако даже после силовой победы пропрезидентских сил над оппонентами и создания первых «партий власти» («Выбор России», «Наш дом – Россия») господствовавший тогда партийный плюрализм регулярно угрожал самому существованию постсоветской российской государственности. С одной стороны, в условиях непопулярности правящего режима и тотального ослабления его поддержки обществом стали возможны неконституционные сценарии смены власти.

Так, например, в 1997–1998 гг. в Российской Федерации подобную активность, практически не скрывая своей ориентации на проведение военного переворота, проявляло Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки (ДПА) под руководством генерала Л.Я.Рохлина.

С другой стороны, в 1999–2000 гг. возникла фронда уже внутри самой власти, объединившаяся в рамках предвыборного движения «Отечество – вся Россия».

Приход к власти В.В.Путина и создание новой политической реальности в начале 2000-х годов привели к коренному реформированию как собственно партий, так и партийной системы в целом. Реконструкция субъектности российской государственности и политика стабилизации потребовали совершенно иной конфигурации партийного поля.

Первым шагом на пути к выработке новых принципов существования политпартий в России XXI в. стало изменение законодательства.

Так, 11 июля 2001 г. принимается ФЗ «О политических партиях», заменивший собой гораздо более либеральный Закон «Об общественных объединениях» от 9 октября 1990 г.

Новый закон более четко регламентировал статус политических партий, внутрипартийную жизнь и участие партий в электоральных кампаниях.

Фактически с этого момента прекращается «вольница» в деятельности партий, и они встраиваются в качестве структурного элемента в новую политическую систему. Такой относительно легкой унификации партийного пространства во многом способствовало изменение идеологических и мировоззренческих приоритетов населения страны.

Общественный «запрос на стабильность» приводит к тому, что радикалы и непримиримые оппозиционеры теряют социальную базу и превращаются в маргиналов, а наиболее устойчивые и системные партийные структуры «переквалифицируются» из «непримиримых» и «несогласных» в «оппозицию Его Величества», предпочитая сотрудничать и взаимодействовать с властью (прежде всего с «Единой Россией») в деле строительства новой государственности.

Таким образом, существующая ныне система малопартийности является соответствующей как реалиям развития России начала XXI столетия, так и поли-

тическим предпочтениям большинства населения.

При этом в данной системе речь не идет о диктатуре одной партии, как это иногда пытаются представить эксперты из либерального или ультракоммунистического лагеря.

Малопартийность есть отражение стабильности и зрелости российского общества, которое, не покушаясь на демократические принципы партийного многообразия, тем не менее, отдает приоритет наиболее дееспособным и эффективным политическим силам. Даже высокий процент голосов, полученный «Единой Россией» в последних федеральных и региональных избирательных кампаниях, стоит объяснять скорее консолидированным выбором народа и проявлением «разумной демократии» и «умной политики», нежели влиянием «административного ресурса», который в принципе не всесилен. Кстати, малопартийность предполагает и возможность смены лидера, и ротацию участников данной системы, что, безусловно, соответствует современным демократическим нормативам.

Более того, возврат к «тотальной многопартийности» образца 90-х годов (к чему регулярно призывают представители несистемной оппозиции) это шаг назад в развитии партийной системы страны, поскольку партийный плюрализм – феномен именно XX столетия с его охлократическими тенденциями, идеократией и политической прямолинейностью.

Обсуждаемый в элитных кругах переход к двухпартийной системе в России вряд ли возможен. Первые попытки создать партийную систему по образцу США и Великобритании предпринимались по инициативе власти еще в 1995 г. Причиной этому стал рост популярности левопатриотической оппо-

зиции (прежде всего КПРФ). Поэтому для раскола «прокоммунистического» электората помимо основного, «правоцентристского» провластного электорального проекта – движения «Наш дом – Россия», был создан «побочный», «левоцентристский» Блок Ивана Рыбкина (БИР) во главе с экс-оппозиционером, тогдашним председателем Госдумы, перешедшим на сторону команды Ельцина в 1994 г. Однако данная попытка оказалась безуспешной. Слишком очевидным был искусственный характер создания БИР, а провластный электорат на тот момент был уже немногочисленным.

В итоге, в Государственную думу в 1995 г. прошел только НДР со скромным результатом в 10% голосов что же касается «левоцентристов», то они не только не смогли преодолеть 5% барьер, но даже не смогли оттянуть значительное число голосов у КПРФ Г.А.Зюганова (БИР получил всего 1,1%)⁷.

Тем не менее идея реализации в стране проекта бипартизма продолжала существовать и новая попытка была предпринята в 1999 г., когда наряду с «правоцентристским» межрегиональным движением «Единство», в Государственную думу баллотировалось движение «Отечество – вся Россия», которое его лидеры Е.М.Примаков и Ю.М.Лужков позиционировали как «левоцентристское».

Несмотря на относительно высокие результаты (почти 13,5%), ОВР опять же не смогло стать значимой альтернативой коммунистам, которые формально выиграли выборы по партиям, получив 24,3% голосов избирателей.

Более того, федеральная власть, окрепшая с появлением на посту Президента страны В.В.Путина, уже была заинтересована не столько в диверсификации, сколько в консолидации партийно-политического пространства страны. В итоге «левоцентристский» проект во второй раз был свернут, а «Единство» и ОВР, объединившись, создали новую «партию власти» – «Единую Россию».

Следующей, и пока последней, попыткой создать «левоцентристскую» альтернативу КПРФ стало появление партии «Справедливая Россия» под руководством ныне уже бывшего главы Совета Федерации С.М.Миронова. Основной проблемой при реализации проекта стало его «полит-технологическое» создание сверху без органичной поддержки гражданским обществом. Хотя следует отметить, что запрос на обновление левого партийного фланга у электората ощущался, поскольку КПРФ из-за длительности пребывания в «большой политике и безрезультативно-

сти своего оппонирования власти испытывала влияние фактора «морального износа». Это подтвердили довольно высокие результаты партии «Справедливая Россия» как на федеральных, так и на региональных выборах.

В частности, на выборах в Госдуму 2007 г. партия С.М.Миронова получила около 8% голосов (свыше 5 млн избирателей), в то время как КПРФ обогнала ее не столь кардинально – 11,5% (8 млн избирателей). И в дальнейшем конкуренция между коммунистами и «эсерами» была довольно острой, что проявлялось на региональных выборах (табл.).

Таблица

Данные Единого дня голосования 13 марта 2011 г.⁸

% поданных голосов

Регион	Барьер	«ЕР»	ПРФ	ЛДПР	«СР»
Республики					
Адыгея	7	58	18,8	10,45	9,5
Дагестан	5	66,3	7,7	0,05	13,1
Коми	7	50,5	16,1	14,8	12,6
Области					
Калининградская	7	40,8	21,4	12,6	10,1
Кировская	7	36,7	22,35	17,1	21
Курская	7	44,75	21,5	12,3	14,75
Нижегородская	7	43	28,8	12,8	12,7
Оренбургская	7	41,5	21,4	15,7	17
Тамбовская	7	65,1	18,2	7,3	5,75
Тверская	7	39,8	24,65	11	21,3
Автономные области					
Ханты-Мансийский	7	44,1	13,4	23,6	13,9
Чукотский	7	71,2	4,8	11,9	7,5

Как показала практика, «эсеры» не только перехватывали часть «левых» избирателей, но и отбирали голоса у «Единой России». Более того, с 2008 г. лидеры «справороссов»

неоднократно пытались играть против «партии власти» и на аппаратном поле.

В 2008–2009 гг. они предпринимали активные попытки стать «базовой» структурой для Прези-

дента страны Д. А. Медведева⁹, но глава государства все же предпочел ориентироваться на «Единую Россию».

И тут сказались то, что партия «эсеров» создавалась не снизу, а по инициативе власти, причем ее лидеры были встроены в состав правящей элиты.

Поэтому накануне выборов в Государственную думу шестого созыва, судя по всему, было принято решение «свернуть» данный «левоцентристский» проект, что нашло свое отражение в смещении С. М. Миронова с поста спикера Совета Федерации и жестком административном прессинге в отношении «Справедливой России». В итоге на левом фланге опять «в одиночестве» остается КППРФ, а идея введения в стране двухпартийности откладывается на неопределенный срок. Хотя в целом такое развитие событий до сих пор представляется вполне рациональным значительной части отечественной элиты, которая видит в данной модели возможность минимизировать «охлократическую» составляющую «большой политики»¹⁰. Но, судя по всему, бипартизм вряд ли утвердится в России.

Этому есть ряд причин.

Во-первых, в стране отсутствует консенсус по поводу базовых ценностей, национальных интересов и стратегического курса, а только в этом случае возможен вариант сведением компромиссной двухпартийной модели.

Во-вторых, идеологически наше общество сейчас гораздо более многообразно и диверсифицировано, чтобы принять упрощенную бипартийную схему. В случае же ее введения волевым решением сверху, значительная часть электората не найдет в ней места для своих политических симпатий и либо откажется от участия в выборах, либо примкнет к радикальным оппозиционным политическим организациям.

В-третьих, несмотря на прогнозы о том, что базовый электорат КППРФ Г. А. Зюганова сократится до минимума «естественным путем», выборы последних лет показывают, что происходит пополнение рядов коммунистов, а также существует традиция голосования за них по принципу «наследования». Это также препятствует созданию «левоцентристской» альтернативы.

Примечания

¹ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 137.

² *Muller W.C., Strom K.* Conclusions: Party Behavior and Democratic Representation // Policy, Office, or Votes? How Political Parties in Western Europe Make Hard Choices // Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 303–304.

³ *Ананьева М.К.* Многопартийность в становлении и развитии гражданского общества современной России. М., 2009. С. 15.

⁴ *Жуковский И.И.* Становление партийной системы Республики Польша в 1989–2008 гг. М., 2009. С. 4.

⁵ *Павленко В.* Двухпартийная система: настоящее и будущее // Обозреватель-Observer. 1997. № 9(92).

⁶ *Симонов К.* Шанс на двухпартийность // Ведомости. 2011. 26 апреля.

⁷ <http://www.golos.org/a4474.html>

⁸ <http://www.rb.ru/inform/123497.html>

⁹ <http://kremlin.ru/news/10163>

¹⁰ www.russ.ru/politics/meta/20010222-tok.html